

Неопубликованные письма В.А. Жуковского в историко-культурном контексте (из фондов Российского государственного истори- ческого архива)

Ирина А. Айзикова (Томск)

Исследователи постоянно и справедливо говорят об особом значении эпистолярного наследия первого русского романтика В.А. Жуковского для характеристики и его личности и творчества, и русской литературы, культуры, общественной жизни первой половины XIX в. Так, Э.М. Жигякова и А.С. Янушкевич отмечают, что «письма Василия Андреевича Жуковского – обширнейшая глава русского эпистолярия. Очевидец и свидетель всех важнейших событий русской истории первой половины XIX века, объехавший почти всю Европу и проживший в ней на вулкане революционных событий последнее десятилетие своего земного бытия, Жуковский в письмах воссоздал не только хронику своей личной жизни, но и своеобразный космос общественной мысли и культуры России и Западной Европы» (Четыре письма Жуковского 2003: 72). Известно также, что эпистолярный Жуковского до сих пор не только не издан, но даже не собран в полном объеме. Многие неопубликованные и не введенные в научный оборот письма поэта еще хранятся в различных российских и зарубежных архивах, частных коллекциях. Например, в Российском государственном историческом архиве нами обнаружен ряд его писем конца 1840-х – начала 1850-х гг. (автографы), адресованных к разным лицам, неизвестных ранее науке. Эти уникальные эгодокументы позволяют дополнить наши представления о взаимоотношениях поэта с окружающим миром, конкретизировать имеющиеся знания частными фактами, занимающими свое место в движении отечественной истории, культуры, жизни общества и отдельных личностей – самого Жуковского и его окружения.

Не претендуя, разумеется, на широкий обзор новонайденных архивных материалов, остановимся лишь на некоторых из них. В предлагаемой статье речь пойдет о трех письмах Жуковского – к наследнику престола великому князю Александру Николаевичу (от декабря 1840 г.), А.И. Философову (от 7 (19) ноября 1842 г.) и князю И.Ф. Паскевичу (от 13 (28) октября 1850 г.). Эти, на первый взгляд, случайно открытые страницы эписто-

лярия Жуковского, рассмотренные вместе, проливают дополнительный свет на широту и разнообразие пересечений поэта с эпохой.

С великим князем Александром Николаевичем, старшим сыном Николая I, с 1855 г. российским императором Александром II, Жуковского, как известно, связывали многогранные и многолетние отношения ученика и наставника.¹ Эта история открывается посланием великой княгине Александре Федоровне, написанным Жуковским на день рождения великого князя (17 апреля 1818 г.). Являясь наставником в русском языке великой княгини Александры Федоровны с 5 октября 1818 г., поэт был назначен и наставником великого князя Александра Николаевича в июле 1824 г., т.е. по достижении им шестилетнего возраста. В рамках этого назначения Жуковский отвечал уже не только за преподавание одного курса, но и за планирование и координирование всей образовательной программы наследника русского престола.

В письме Александре Федоровне от 15 (27) ноября 1825 г. поэт писал: «Я позволю себе представить Вашему Высочеству, сколь смогу, кратко, некоторые общие мысли о ходе обучения, которое мы могли бы избрать для нашего дорогого дитя. Вначале: в воспитании и обучении есть три основных срока, которые нужно с ясностью различать и отделять четкими границами: Ребенок – мужчина – государь. Ребенок должен быть счастлив. Мужчина должен учиться и быть деятельным. Государь должен иметь великие замыслы, прекрасный идеал, возвышенный взгляд на его предназначение, ничего несбыточного, но естественный результат всего, что предшествовало. Нужно относиться к нему, как к ребенку, в детстве, чтобы он мог стать однажды мужчиной, и, чем более будет он чувствовать себя мужчиной, тем менее усомнится он в том, что он государь, когда еще не настанет пора быть государем, и тем более будет он рад представшей пред ним великой судьбе, когда однажды его поздравят с его титулом».² В письме к ней же от 1 (13) июня 1827 г. Жуковский еще более четко формулирует цель образования и воспитания великого князя: «Дело идет о средствах обеспечить успех воспитания великого князя и довести его до предпринятой цели, а именно: образовать в нем монарха великой империи» (Жуковский 1878: 290).

¹ См. об этом: Кирпичников 1902: 1-14; Красногородцев 1902; Михневич 1902: 361-389; Степанов 1902; Костылева 2002: 122-132; Киселева 2004: 199-228.

² Письмо В.А. Жуковского Великой княгине Александре Федоровне от 15 ноября 1825 г., цитирую по: Киселев, Жилиякова 2014: 126.

Основывая свою педагогическую программу на методике И.Г. Песталотци, продолжавшего, как известно, руссоистские идеи воспитания,³ Жуковский видел целью образования будущего царя России его нравственное самоопределение, устремленность к самосовершенствованию, самоконтролю и саморегуляции, постижение точных ответов на вопросы о своем предназначении, о своем долге и обязанностях. Достижение цели предполагало, по расчетам наставника, поэтапное решение нескольких задач: «приготовительное», «подробное» и «применительное учение». Последнее относится Жуковским к возрасту воспитанника с 18-ти до 20-ти лет, это, по учебному плану, время, когда наследник престола уже будет способен демонстрировать на практике свои знания, свою готовность быть русским царем.

Закончив деятельность официально назначенного наставника великого князя в 1837 г., на деле Жуковский оставался им до конца своей жизни. Обнаруженное нами письмо поэта к великому князю Александру Николаевичу – еще одно подтверждение этому.⁴ Автограф не имеет даты, но определить время его написания – конец декабря 1840 г. – позволяют содержание и резолюция, сделанная рукой Его Императорского Высочества на верхнем поле листа и датированная 2 января 1841 г. Приведем это письмо и резолюцию:

Прошу Ваше Высочество заключить год достойным, милостивым делом. Глинка, старик, бедняк, окруженный семейством, издает книгу, «О жизни и сочинениях Сумарокова» (у Жуковского выделенное курсивом подчеркнуто. – И.А.). Подпишитесь на нее и пожалуйста за Ваш экземпляр сколько-нибудь в пособие семейству автора, дабы при начале года он не нуждался и помянул Вас с благодарностью. Это Вам вместо поздравления на Новый год.

Жуковский

Резолюция великого князя Александра Николаевича: «Выдать 400 рублей, 2 января 1841» (Российский государственный исторический архив. Фонд 522. Опись 1. № 2. Лист 1).

Перед нами письмо-просьба Жуковского о помощи, каких за свою жизнь написал он немало. На сей раз он обращается к наследнику престола по поводу поэта, журналиста, издателя С.Н. Глинки. Жуковский

³ См. об этом: Киселев, Жилиякова 2014.

⁴ О письмах Жуковского к великому князю Александру Николаевичу см.: Янушкевич 2013: 45-76.

призывает великого князя «заключить год достойным, милостивым делом», имея в виду участие в судьбе издаваемой Глинкой книги *Очерки жизни избранных сочинения Александра Петровича Сумарокова* («подпишитесь на нее»), через это и в судьбе «семейства» «старика, бедняка» Глинки. Вместе с тем Жуковский пишет это письмо и «в подарок» наследнику престола на Новый год, «в помощь» будущему государю, в целях его воспитания, формирования в нем потребности заботиться о своих подданных, заслуживать добрыми делами их благодарность и доброе отношение к себе.

Книга о жизни и сочинениях русского классициста А.П. Сумарокова (1717-1777), чьи стихи в свое время расходились в списках, в «Эпистоле о стихотворстве» которого были сформулированы принципы поэтики основных жанров классицизма, прежде всего, комедии и басни, автора ряда трагедий, директора первого русского профессионального публичного театра, издателя первого русского литературного журнала, вышла в 1841 г. в Санкт-Петербурге в трех томах.

При жизни Сумарокова был опубликован ряд его драматургических произведений, стихотворных сочинений (оды, духовные стихотворения, эпистолы, эклоги, дифирамбы, любовные элегии, мадригалы, притчи) – в сборниках и отдельными изданиями,⁵ но ни одного полного собрания его сочинений не вышло. Первое «*Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигского Ученого Собрания члена, Александра Петровича Сумарокова*» в 10-ти частях было издано Н. Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете, в 1781-82 гг., второе издание вышло через несколько лет, в 1787 г., тоже в 10-ти частях. После этого, в 1810-е, 1830-е гг., несколько раз издавались отдельные сочинения Сумарокова. «К этому времени, – пишет П.Н. Берков, – имя Сумарокова было предано забвению. Не сохранилось ни памятника, ни ограды над могилой одного из крупнейших русских писателей XVIII века. Если и вспоминали о нем в 1820-1830 годах, то только для того, чтобы повторять традиционные суждения о Сумарокове как о писателе совершенно ничтожном» (Берков 1957: 5).

К тому же, в 1840 г. было опубликовано не печатавшееся при жизни А.С. Пушкина, написанное в 1816 г. послание К Жуковскому секретарю

⁵ В библиотеке Жуковского имеется одно из прижизненных изданий Сумарокова: *Гамлет, трагедия* (1748). По предположению составителя описания библиотеки поэта В.В. Лобанова, «возможно, данный экземпляр принадлежал Сумарокову» (Библиотека В.А. Жуковского (Описание) 1981: 349).

общества «Арзамас». Подписанное в автографе «Арзамасец», хотя Пушкин в это время еще не был членом кружка, стихотворение было пронизано арзамасским духом и направлено против шишковистов, защитников классицистического направления в русской литературе. В частности, послание содержит следующий отзыв о Сумарокове:

Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещения?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он, он под рифмою попрал и вкус и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспаривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?...⁶
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,
И персты грубые на лире костенели... (Пушкин 1981: 133-134).⁷

Таким образом, с одной стороны, издание избранных сочинений Сумарокова и материалов его биографии, подготовленное С.Н. Глинкой и поддержанное Жуковским, было весьма актуальным для начала 1840-х гг., с другой стороны – уязвимым проектом. Об этом свидетельствует и последовавшая за выходом из печати рецензия В.Г. Белинского, ведущего русского критика данного периода, на «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова».

В 1841 г в сентябрьском выпуске «Отечественных записках» В.Г. Белинский отозвался о первой части этого издания. Оценивая по достоинству вклад Сумарокова в историю русской литературы («Вот одно из тех произведений, которые называются капитальными произведениями литературы, которые пишутся не для одних современников, но и для потомства, переживают века и народы» (Белинский 1979: 457), критик весь-

⁶ Ломоносов. (Прим. А.С. Пушкина).

⁷ «И хотя позднее, – отмечает П.Н. Берков, – Пушкин несколько смягчил свою суровую характеристику Сумарокова, общая отрицательная оценка этого писателя долгое время оставалась неизменной» (Берков 1957: 6).

ма ироничен в отношении издателя. Он критически оценивает и внешнее оформление книги, и ее композицию, указывая на неточное заглавие издания, наличие в нем лишних шмуцтитлов, неточных, с фактическими ошибками, непоследовательных комментариев и рассуждений С.Н. Глинки об издаваемом авторе. «Следить за изложением книги С. Н. Глинки, – пишет В.Г. Белинский, – нет никакой возможности: его мысли летят на почтовых, кружат, колесят, обгоняют одна другую, отстают, забегают, сшибают друг друга с ног – у читателя вертится голова; не успеет он пройти с автором двух шагов, как – глядь – автора уже нет с ним – он или за тысячу верст назад, или за тысячу верст вперед» (Белинский 1979: 460). В защиту издателя, готовившего к печати сочинения Сумарокова в первой трети XIX в., П.Н. Берков писал уже во второй половине XX в. следующее: «Один из крупнейших русских писателей XVIII века, А.П. Сумароков, как это ни странно, не дождался еще составления сколько-нибудь полной и связной биографии, <...> по крайней мере, отвечающей минимальным научным требованиям. Существующая биографическая литература о Сумарокове полна ошибок и выдумок, и это относится не только к печально знаменитым Очеркам жизни и избранным сочинениям А. П. Сумарокова С.Н. Глинки, но и к авторитетной статье М.Н. Лонгинова Последние годы жизни Александра Петровича Сумарокова («Русский архив», 1871, No 10, стлб. 1637-1717 и No 11, столб. 1956-1960)» (Берков 1962: 364).

Кроме того, Белинский не принимает ряда оценок, которые Глинка, сторонник «старого» стиля шишковистов, давал своим современникам и их творчеству, в частности, критику непонятого пафоса его послания Сочинителю «Евгения Онегина» («Странного света ты живописец...»). Так что хвалебное заключение статьи Белинского прочитывается с подтекстом: «В заключение, – пишет критик, – нам остается поблагодарить С.Н. Глинку за опровержения, которыми удостоил он «Отечественные записки» (имея в виду свои высказывания о Сумарокове и других писателях XVIII в. в статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского» – И.А.), и уверить его, что труд его не пропал вотще, что мы исправились от своих заблуждений, прозрели светом истины до того, что эклоги Сумарокова считаем нежными, элегии трогательными, притчи остроумными, комедии язвительными, оды возвышенными, трагедии величественными, прозаические статьи глубокомысленными, словом, видим в Сумарокове русского Теокрита, Тибулла, Лафонтена, Мольера, Пиндара, Горация, Корнелия, Расина, Вольтера, Кребильона, Дюсиса и пр. и пр., великого поэта, гениального творца и пр. и пр., и что всем этим мы обязаны все ему, почтеннейшему С.Н. Глинке! Ждем с нетерпением вто-

рой части его «Очерков жизни и избранных сочинений А.П. Сумарокова» (Белинский 1979: 461).

Позднее, в № 12 «Отечественных записок», вышедшем в декабре 1841 г., Белинский отозвался отдельной рецензией на 2-ю и 3-ю части издания Шинки, которая в плане критики мало чем отличалась от отзыва на первую часть издания.⁸

По мере формирования историко-литературной концепции Белинского, его оценка творчества Сумарокова менялась. В рецензии на роман Н. Кукольника Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова (1846 г.), опубликованной в «Современнике» в 1847 г. (№ 3) Белинский писал: «Сумароков был не в меру превознесен своими современниками и не в меру унижаем нашим временем. Мы находим, что как ни сильно ошибались современники Сумарокова в его гениальности и несомненности его права на бессмертие, но они были к нему справедливее, нежели потомство. Сумароков имел у своих современников огромный успех, а без дарования, воля ваша, нельзя иметь никакого успеха ни в какое время. В то время талант делал человека известным императрице <...>, и Сумароков <...> не за что иное очутился действительным статским советником и кавалером, как за свой талант. В то время, как и в наше, немало бы нашлось охотников до чинов и почестей, которые не пожалели бы трудов, бумаги и чернил, чтобы возвыситься через литературу. Однако же успели в этом немногие, именно те только, за которыми общее мнение утвердило громкое имя гения или великого таланта. Сумароков больше других был любимцем публики своего времени. <...> Он больше Ломоносова был беллетрист, его сочинения были легче, <...> больше имели отношения к жизни. Он писал не одни трагедии, но и комедии, плохие, конечно, но лучше которых тогда не было. <...> Сочинения Сумарокова можно теперь читать только по особенной охоте к историческому изучению русской литературы; но тем не менее их должно ценить, если не по преувеличенным похвалам его современников, то не по мерке нашего времени» (Белинский 1956: 124-125).

Письмо, адресованное адъютанту великого князя Михаила Павловича, полковнику Алексею Илларионовичу Философову, написано 7 (19) ноября 1842 г по сугубо личному для Жуковского поводу. Он делится новостью о рождении дочери Александры, которое пришлось на 30 октября (11 ноября) 1842 г. Письмо, как видим, написано чуть больше чем че-

⁸ См.: Белинский 1979: 493-498.

рез неделю после столь важного для Жуковского события, характеризуя близость отношений его автора и адресата. Их связывала не только «старая дружба», о которой Жуковский пишет в письме, но и педагогическая деятельность при дворе. А.И. Философов (1800-1874), участник многих военных действий, служивший в гвардейской артиллерии, исполнявший обязанности офицера Генерального штаба во время войны с Персией (1827), командовавший осадной артиллерией в войне с Турцией (1828), награжденный многими орденами (включая французский командорский крест Почетного Легиона), обратил на себя внимание государя не только своими боевыми заслугами, но и образованием, полученным в Пажеском корпусе. В 1838 г он был назначен воспитателем великих князей Николая и Михаила. Кроме того, А.И. Философов для Жуковского являет образ «доброго отца», у которого к ноябрю 1842 г. было уже четверо детей и ожидалось рождение пятого ребенка. Приведем ниже текст письма:

Порадуйтесь вместе со мною, любезнейший Алексей Илларионович. У меня родилась дочка, которую рекомендую в Ваше благоволение. Будучи сам добрым отцом, Вы поймете мое счастье и примете в нем участие по старой ко мне дружбе. Прошу Вас передать приложенное письмо моему родственнику Гельмерсену,⁹ а другое доставить нашей милой графине. Напишите хоть строчку. Дружески Вас обнимаю.

Преданный Вам
Жуковский

Ноября 7/19 1842

Дюссельдорф (Российский государственный исторический архив. Фонд 1075. Опись 1. № 939. Лист 72).

Это короткое письмо приоткрывает самые личные, глубокие чувства и переживания Жуковского, связанные с отцовством, которое он называет счастьем. В дневнике он писал 12 ноября, на следующий день после рождения дочери: «Чувств отца угадать нельзя. <...> нечто прибавилось к существу моему и дало ему большее значение <...> на дочь не могу смотреть без особенного движения, мне доселе неизвестного: как будто душа подымается от радости. <...> Нет собственности столь милой, столь решительно принадлежащей нам и в то же время столь с нами тесно соединенной и нас как будто самих увеличивающей, как наше дитя: чувствуешь всю сладость и силу слова мое, которое выше и значительнее, нежели я» (Жуковский 2004а: 268).

⁹ Павел Петрович Гельмерсен (1801–1894) – правовед, профессор Александровского лицея и училища правоведения, учитель великих князей Николая и Михаила, муж Э. Рейтерн, племянницы тестя Жуковского.

Жуковский, как известно, при всей сложности и двусмысленности своего положения незаконнорожденного ребенка в семье Буниных, своих отношений с матерью, являвшейся служанкой в доме, где рос мальчик, с молодых лет уделял большое внимание теме семьи. О семье как главной опоре в жизни Жуковский много размышляет в своем дневнике, начиная чуть ли ни с первых записей. «<...> моя первейшая цель есть наслаждение семейственною жизнью», – записывает он 9 июля 1805 г. 10 июля этого же года вновь пишет: «Итак, цель моей жизни должна быть деятельность <...> в литературе <...> в составлении счастья моего семейства». Составляя в августе 1806 г. план своей будущей жизни, поэт называет три ее составляющие: «семейственную, авторскую, общественную» (Жуковский 2004: 16, 34). Поэт часто пишет в своем дневнике о сестрах, реже о матери, ведет с ними переписку. Более закрытой обстоятельствами жизни для Жуковского являлась тема отцовства и образ отца, о чем он не имел возможности говорить с кем бы то ни было из родных и близких. Между тем, одно из ранних прозаических сочинений Жуковского – Чувство отца на гробе сына (1803 г.) посвящено именно этой теме. Об образе отца поэт пишет в записной книжке Разные замечания (1807), представляющей собой примечания к статьям на морально-психологические темы из Энциклопедии Дидро и д'Аламбера.¹⁰ Тема отцовства проходит в таких ранних прозаических сочинениях и переводах Жуковского, как Мальчик у ручья (перевод романа А. Коцебу, 1800), Вильгельм Телль, или Освобожденная Швейцария (перевод повести Ж.П. Флориана, 1801), Вахим Новгородский (1803) и др. Впоследствии семья, дети, материнство и отцовство станут важнейшими темами размышлений Жуковского в дневниках и письмах, прочно вошедшими и в его творчество, в частности, образ отца находится в центре таких поздних произведений Жуковского, как Уллин и его дочь (переводная баллада Т. Кэмпбелла, 1833), Маттео Фальконе (переложение повести А. фон Шамиссо, 1843) и др. Наиболее душевными являются размышления Жуковского о собственном отцовстве, описания собственных чувств отца к своим детям. К таким откровенным текстам относится и приведенное выше письмо поэта.

¹⁰ Здесь поднимаются проблемы воспитания ребенка матерью и отцом, утверждаются мысли о том, что материнская брань должна являться несчастьем для детей, что мать в их глазах должна быть «живым правосудием», что первые приятные впечатления младенца о жизни должны исходить от отца и матери, что добрый отец есть истинно добрый человек и т. д. См.: Жуковский 2004: 38-48.

Последнее из рассматриваемых в данной статье писем, адресованное Ивану Федоровичу Паскевичу, содержит поздравления Жуковского адресату в связи с его пятидесятилетним юбилеем военной службы, которая началась в октябре 1800 г., когда он был выпущен поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк с назначением флигель-адъютантом государя. Позднее Паскевич участвовал в русско-турецкой войне 1806-1812 гг. (и 1828-1829 гг.), за что был награжден орденом святого Владимира IV степени; был в отряде, занятом снятием блокады Измаила, за что был награжден золотой саблей «За храбрость». В 1810 г Паскевич уже командовал полком (сначала Смоленским мушкетерским, потом Витебским пехотным, Орловским). В войну 1812 г сражался под командованием Багратиона. Воевал на Кавказе в 1826-1828 гг., когда персы вторглись в закавказские провинции. За покорение Эриванского ханства Паскевич был возведен в графское достоинство с именованием Эриванского. За подавление восстания в Варшаве, вспыхнувшего в ноябре 1830 г., возведен в звание князя Российской империи с титулом Светлейшего и именованием Варшавский. Полным его именем с этого времени было князь Иван Федорович Варшавский, граф Паскевич-Эриванский.

Для Жуковского Паскевич прежде всего – бесстрашный участник войны 1812 г. Вспоминая о Бородинском сражении в письме к великой княжне Марии Николаевне от 5 сентября 1839 г., которое впоследствии было опубликовано в «Современнике» (1839. № 4) как самостоятельное произведение, очерк под названием Бородинская годовщина, Жуковский, участвовавший в сражении в составе Московского ополчения, описывает утро Бородинского боя. Эта картина, которую он видел собственными глазами 27 лет назад, складывается из ряда деталей, принадлежащих миру природы и людей. Бородинское сражение, переломившее ход Отечественной войны и предрешившее успех европейских антинаполеоновских походов русской армии, запомнилось Жуковскому осенней свежестью; огромным войском, «стоявшим колоннами по наклону покатоствей», и самой жаркой битвой на возвышении («на коем теперь стоит памятник бородинский»), «где дрались Раевский, Барклай, Паскевич, где ранен Воронцов, где погиб Кутайсов», где «без умолку гремело более двухсот Наполеоновских пушек, где наконец все перемешались в рукопашной убийственной свалке» (Жуковский 2004а: 183).

Кроме того, образ Паскевича связывается Жуковским с победными, для России военными действиями на Кавказе в 1826-28 гг. и в Варшаве в 1830 г. В дневнике Жуковского, в записи от 22 февраля (6 марта) 1841 г. читаем: «Паскевич доставал границы персидские, взял Варшаву, это к его

чести. Но он несказанно счастлив: в его время нет Европейской войны» (Жуковский 2004а: 245).

В дневнике Жуковского имеется несколько записей о личных встречах с И.Ф. Паскевичем и его женой Елизаветой Алексеевной, княгиней Варшавской (урожденной Грибоедовой, двоюродной сестрой А.С. Грибоедова), о разговорах о Паскевиче и событиях, в которых он участвовал.¹¹ Одно из писем Жуковского к И.Ф. Паскевичу, от 1849 г., написано после победоносной венгерской кампании Николая I в августе 1849 г., усилившей в Европе русофобию. Это письмо стало широко известным, поскольку было опубликовано в 1850 г. как анонимная статья в «Allgemeine Zeitung» под заглавием ENGLISCHE UND RUSSISCHE POLITIK.

«Апология венгерского похода и разрушение страха перед завоевательными походами царя, уничижительное изображение поведения Пальмерстона¹² и на его фоне утверждение истинных монархических принципов, которым следует в своей политике Николай I – вот главные темы статьи «Русская и английская политика», – пишет Т. Гузаиров (Гузаиров 2013: 193). Определяя «эстетическое обаяние и идеологическую силу» статьи, исследователь справедливо подчеркивает, что Жуковский развивает в ней «идею о бескорыстной, «нравственной» войне, в основе которой лежит представление о чести». И далее утверждается, что такой взгляд на войну и воинов, сражающихся за честь царя и отечества, рождается параллельно или в определенной степени вырастает «из работы над поэтическими текстами», отразившись, в частности, в переводе Илиады Гомера (октябрь 1849 г. – август 1850 г.), в поэме Странствующий жид. «Увиденное сквозь призму ... эпоса непопулярная венгерская кампания <...> в глазах Жуковского приобрела, высокий ореол истинного события, которое сохранится в памяти человечества» (Гузаиров 2013: 194, 196-197).

Эти же идеи очевидны в письме Жуковского к Паскевичу, обнаруженном нами в Российском государственном историческом архиве и вводимом в данной статье в научный оборот:

¹¹ См., напр.: Жуковский 2004: 127, 319, 327; Жуковский 2004а: 183, 194, 245, 509.

¹² Лорд Г. Д. Темпль, с 1830 г. руководил британской внешней политикой, был крайне озабочен внешней политикой Николая I, продвижением России на среднем Востоке.

Светлейший князь,
милостивый государь,
после торжества, увенчавшего славное пятидесятилетие Вашей жизни, прошу Вашу светлость обратить благосклонное внимание и на мой смиренно-приветственный голос. Приношу многославному князю Варшавскому мое русское поздравление с его великим праздником, в котором, конечно, вместе с царем приняла участие и вся Россия, благодарная знаменитому вождю за его славу, которая в то же время и ее слава. Я надеялся иметь счастье быть свидетелем этого праздника, который имеет для меня особую значительность по моей личной привязанности к тому, для кого он был устроен; я был совсем готов ехать в Варшаву, дабы поклониться моей несравненной, милостивой императрице; но за два дни до назначенного мною выезда перемена в состоянии моего здоровья принудила меня отказаться от моего намерения, и я остался пустынным в опустелом Бадене. Весьма, весьма мне прискорбно, что не удалось со всеми русскими прокричать моего «Ура!» на Вашей золотой свадьбе со славою. Такие праздники редки. Здесь же хозяином праздника был сам русский царь; палатою пира была Варшава; были между гостями замечательные депутаты, от благодушного короля Прусского и от императора Австрийского, благодарного за Венгрию, да может быть, с живыми присутствовали и бесплотные гости, например, Дух, сторона древнего Арарата, любовавшийся с вершины горы своей походами русских богатырей по той земле, где во второй раз начался род человеческий и прочее. Очень, очень жалею, что мне не удалось взглянуть на эту чудную картину. Прошу Вашу светлость принять благосклонно мое сердечное поздравление и вместе с ним и уверение в неизменной преданности, с которою честь имею быть

Вашей светлости
покорным слугою
Жуковский

1850 13/28 октября

Баден-Баден (Российский государственный исторический архив. Фонд 1018. Опись 10. № 38. Листы 14-14 оборотный).

Судя по статье о русской и английской политике и по приведенному выше письму, фигура Паскевича осмысливалась Жуковским, безусловно, как знаковая для русской истории. В связи с этим обратим внимания на явную поэтизацию и даже мифологизацию образа адресата, что достигается лексическими и синтаксическими средствами («многославный князь», «знаменитый вождь»), мотивом вечной памяти о предводительствуемых Паскевичем «походах русских богатырей по той земле, где во второй раз начался род человеческий» (имеется в виду покорение Эриванского ханства. — И.А.). Письмо заканчивается наполненным глубокими философскими смыслами мотивом явления на юбилейное торжество

«бесплотных гостей», который активно использовался Жуковским в его лирике и лиро-эпосе.¹³

Таким же знаковым, незабываемым для российской истории и потому достойным поэтизации представлялись Жуковскому и торжества, устроенные в честь героя России русским царем. Праздник, на котором Жуковскому, к его сожалению, не удалось побывать, проходил 5 октября 1850 г. на Уяздовском плацу в Варшаве. Там состоялся торжественный парад войск в честь пятидесятилетия военной службы И.Ф. Паскевича на пользу России, о котором писали крупнейшие периодические издания не только России, но и Европы. В честь юбилея генерал-фельдмаршала светлейшего князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского специально приехавший из Петербурга император Николай I устроил пышное празднество, в котором приняли участие чиновники русской администрации, польская знать, батальоны и эскадроны кавалерийских и пехотных полков, в полной парадной форме собравшиеся со всего Царства Польского. Перед выстроившимися войсками император вручил Паскевичу фельдмаршальский жезл. На его рукояти придворный гравер выбил надпись: «За двадцатичетырехлетнее предводительство победоносными российскими армиями в Персии, Турции, Польше и Венгрии». А затем Николай I совершил невиданный в военной истории поступок: сам встал во главе войск, под звуки оркестра двинувшихся церемониальным маршем, и отдал воинскую честь своему подданному Паскевичу. На празднике присутствовали Фридрих Вильгельм IV, который в честь юбилея возвел И.Ф. Паскевича в фельдмаршалы своих войск, а также австрийский император Франц Иосиф I, который также произвел И.Ф. Паскевича в фельдмаршалы своих войск в честь юбилея и в благодарность за подавление восстания в Венгрии, вспыхнувшего в марте 1849 г.¹⁴

В письме Паскевичу Жуковский прежде всего подчеркивает общенациональный и даже общеевропейский масштаб проведенных торжеств, которые охарактеризованы как великий праздник России в честь национального героя, чья личная слава принадлежит России, русскому царю

¹³ Таково, например, стихотворение Ночной смотр (перевод из Й.Х. Цедлица). См. подробнее: Жуковский 2000: 691-697.

¹⁴ Тогда правительство Австрии обратилось непосредственно к Паскевичу с просьбой о военной помощи. Паскевич сообщил об этом Николаю I, по приказанию которого собрал войска к западной границе. Русский император прибыл 5 мая 1849 г. в Варшаву, где совместно с Францем Иосифом I, также приехавшим в этот город, составил план военных действий, по которому русские войска, под предводительством Паскевича, совершив переход через Карпаты, 5 июня 1849 г. вступили в Венгрию. 1 августа вся венгерская армия сдалась русским войскам, после чего они возвратились в Россию.

и русскому народу. Подчеркивается мотив национального единения и европейского признания России и ее военных подвигов. Наконец, мотив «бесплотных гостей» вводит описанное событие в широкую историческую ретро- и перспективу, раскрывая осмысление Жуковским философии истории, проблем войны и мира, роли личности в историческом процессе.

Таким образом, рассмотренные нами письма Жуковского, написанные к разным лицам и по разным поводам, при всей их разрозненности и индивидуальности запечатленного в них дискурса, являют собой показательные фрагменты единого поведенческого текста, который прочитывается с наибольшей полнотой, будучи введенным в историко-культурные контексты.

Источники

- Жуковский, В.А. (1878): *Сочинения в 6 т.* Т. 6. Санкт-Петербург.
- Жуковский, В.А. (2000): *Полное собрание сочинений и писем в 20 т.* Т. II. Москва.
- Жуковский, В.А. (2004): *Полное собрание сочинений и писем в 20 т.* Т. XIII. Москва.
- Жуковский, В.А. (2004а): *Полное собрание сочинений и писем в 20 т.* Т. XIV. Москва.
- Российский государственный исторический архив. Фонд 522. Опись 1. № 2. Лист 1.
- Российский государственный исторический архив. Фонд 1018. Опись 10. № 38. Листы 14-14 оборотный.
- Российский государственный исторический архив. Фонд 1075. Опись 1. № 939. Лист 72.
- Четыре письма Жуковского: письма к гр. А.Д. Блудовой, Р.Р. Родионову, П.А. Плетневу, А.П. Елагиной. Публикация А.С. Янушкевича и Э.М. Жиликовой // *Наше наследие*. 2003. №65, 72-94.

Литература об источниках

- Белинский, В.Г. (1956): *Полное собрание сочинений в 13 т.* Т. 10. Москва.
- Белинский, В.Г. (1979): *Собрание сочинений в 9 т.* Т. 4. Москва.

- Барков, П.П. (1957): «Жизненный и литературный путь А.П. Сумарокова» (вступительная статья) // А.П. Сумароков. *Избранные произведения*. Ленинград.
- Барков, П.П. (1962): «Несколько справок для биографии А.П. Сумарокова» // *XVIII век*. Сб. 5. Москва, Ленинград.
- Библиотека В.А. Жуковского* (Описание) (1981) Томск.
- Гузинров, Т. (2013): «История – Полководец – Поэзия: политическая триада В.А. Жуковского (из комментария к статье «Русская и английская поэтика»)» // *Жуковский. Исследования и материалы*. Вып. 2. Томск.
- Кириличников, А. (1902): «В.А. Жуковский как поэт-воспитатель» // *Вестник воспитания*. №4, 1-14.
- Киселев В.С., Жиликова Э.М. (2014): «План учения Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского» // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 6 (32), 125-136.
- Киселева, Л.Н. (2004): «Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики»)» // *Пушкинские чтения в Тарту 3*. Материалы международной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту.
- Костылева, С.Е. (2002): «В.А. Жуковский – педагог» // *Белевские чтения: Посвящается памяти протоиерея Михаила Федоровича Бурцева*. Вып. 2 Москва.
- Красногородцев, А.В. (1902): *Педагогические взгляды Жуковского (1852-1902): В память пятидесятилетия со дня смерти поэта*. Санкт-Петербург
- Михневич, А. (1902): «Жуковский как педагог» // *Педагогический сборник*. № 12, 361-389.
- Пушкин, А.С. (1981): *Собрание сочинений в 10 т.* Т. 1. Москва.
- Степанов, Н.П. (1902): *В.А. Жуковский как наставник царя-освободителя*. Санкт-Петербург
- Жушкевич, А.С. (2013): «Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли» // *Жуковский. Исследования и материалы*. Вып. 2. Томск.